

НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ

Андрей
Ранчин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2119

(1919)

Андрей Ранчин

НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2023

ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ранчин А. М.

Нестор Летописец / Андрей Ранчин. — М.: Молодая гвардия, 2022. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1919).

ISBN 978-5-235-04737-2

Летописец Нестор — один из героев нашей начальной истории. Имя его слышал, наверное, каждый, но вот о реальной его биографии известно настолько мало, что для большинства он давно уже превратился в полумифическую фигуру. Между тем Нестор — выдающийся писатель Древней Руси. Он автор первых дошедших до нас русских житий — «Чтения о житии и о погублении» первых русских святых, князей Бориса и Глеба, и Жития преподобного Феодосия, игумена Печерского. И автор летописи? Да, несомненно. Но вот какой летописи? Над этим вопросом ученые-текстологи, историки и филологи бьются уже не одно столетие.

О «загадке Нестора» и об истории сложения «Повести временных лет», о событиях, свидетелем которых был наш монах-летописец, и рассказывается в книге.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

16+

© Ранчин А. М., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать биографию древнерусского книжника Нестора — занятие не просто трудное, а крайне сомнительное и даже едва ли не абсурдное. Причина не в том, что о Несторе почти ничего не известно. В конце концов, сохранились два произведения, несомненно им написанные¹, пусть точное время создания обоих житий вызывает споры, — «Чтение о Борисе и Глебе» и Житие Феодосия Печерского. «Чтение...» — житие князей-братьев, сыновей крестителя Руси Владимира Святого, принявших смерть от руки сводного брата Святополка; Борис и Глеб были первыми среди русских святых удостоены церковного почитания. Житие Феодосия — повествование об одном из основателей Киево-Печерского патерика, Феодосий — первый из русских монахов, причисленных к лику святых (преподобных). Несмотря на обыкновенное для житийной словесности, или агиографии^[1], использование Нестором «общих мест» (по-ученому — топосов), а в Житии Феодосия — заимствование не только отдельных выражений, но и целых эпизодов из византийских жизнеописаний святых, эти произведения дают некоторое представление и о взглядах автора, и о его личности. Так в живописи портрет говорит нам не только об изображенном, но и о художнике. Особенно если сравнить картину с портретами этого же человека, написанными другими живописцами. А «Чтение о Борисе и Глебе» мы можем сопоставить с другим житием братьев-мучеников — со «Сказанием о Борисе и Глебе», принадлежащим перу неизвестного книжника. Житие Феодосия стоит сравнить с византийскими жизнеописаниями святых (агиобиографиями) — в том числе с теми, которые, бесспорно, знал Нестор и следы которых обнаруживаются в его произведении.

И наконец (и это главное), в Житии Феодосия Нестор кое-что сообщает о себе. Немного, но эти крупинки позволяют реконструировать часть его биографии. Кроме того, книга о Несторе, подобно повествованиям о других известных и

незаурядных личностях, судьбы которых почти скрыты от нас, неизбежно должна строиться во многом не столько как рассказ о конкретном человеке, сколько как портрет времени, частью которого был наш герой. Именно таковы многие тома серии «Жизнь замечательных людей»; отчасти так пришлось поступить автору этих строк, когда он писал в этой серии книгу об уже упомянутых Борисе и Глебе: о них известно больше, чем о Несторе, но и их биографии по большей части сплошное белое пятно, а сохраненные источниками сведения часто не являются общепризнанными или противоречат друг другу.

Мало того: мы даже знаем, как древнерусский книжник выглядел: эксперт-криминалист С. А. Никитин воссоздал по черепу его скульптурный портрет. Реконструкция, конечно, не фотография — ее точность приблизительна. И всё же, всматриваясь в суровое и мудрое лицо старца с твердым, прямым взглядом, можно, кажется, что-то узнать не только о его внешности, но и о его характере и внутреннем мире. Из обследования мощей Нестора, предпринятого при реконструкции его облика в 1985 году, следует, что он умер в преклонном возрасте и был, по нашим меркам, весьма невысокого роста².

Так что читателю впору воскликнуть вслед за героем одной великой книги: «Тоже мне бином Ньютона!» Нечего автору рисоваться и кокетничать: цели ясны, задачи указаны — за работу!

Увы, всё обстоит намного хуже. Настолько, что в какой-то момент я был готов даже отказаться от задуманного труда, поначалу радовавшего и вдохновлявшего. А всё дело в названии. И, конечно, в читательских представлениях и ожиданиях. Рассказать о двух житиях, написанных киево-печерским монахом Нестором, о жизни и судьбе их творца, об обители, в которой он подвизался, и о Руси того времени, в которое ему выпало жить, — в общем-то не сложнее, чем проследить путь любого иного известного и прославленного человека прошлого. Но, несомненно, абсолютному большинству

возможных читателей этой книги «Чтение о Борисе и Глебе» неизвестно: переиздавалось оно нечасто, и если кто-то из читателей и знаком с каким-то из агиографических памятников о Борисе и Глебе, то им, конечно, является «Сказание»: оно и перепечатывалось многократно, и в разных хрестоматиях встречается. Да и, приходится признаться, в художественном отношении оно совершеннее. Из двух написанных Нестором агиобиографий Житие Феодосия знакомо лучше: оно вошло, например, в такие известные серийные издания, как «Памятники литературы Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси». Житие это в своем роде замечательное. И всё же в сознании большинства слышавших о Несторе его имя спаяно, сращено неразрывно вовсе не с двумя житиями, а с Начальной русской (точнее, восточнославянской) летописью — «Повестью временных лет». Забавный случай из жизни. Один не самый дикий и непросвещенный школьник на вопрос автора этих строк: «О ком идет речь в стихе Грибоедова “Тот Нестор негодяев знатных”?», не задумываясь, назвал героя этой книги. Ошибка, уверен, не единичная. (В действительности создатель «Горя от ума» подразумевал старейшего из героев Троянской войны, упоминая его имя в нарицательном значении «вождь, предводитель».) А современный интеллектуал (впрочем, не специалист по Древней Руси) ничтоже сумняшеся написал: «Автором “Повести временных лет” считают монаха XII века Нестора, хотя единственное, что о нем известно, — это то, что он автор “Повести”»³. О Несторе известно не так уж мало, но вот то, что он написал «Повесть временных лет», как раз не факт, а предположение.

Мы говорим Нестор — подразумеваем летопись. Не случайно заглавие этой книги не просто «Нестор» (мало ли было Несторов — от премудрого старца — героя Гомеровой «Илиады», наставляющего греческих царей под стенами Трои, до знаменитого анархиста Махно...), а «Нестор Летописец»^[2]. Это примерно так же, как с Фонвизиним: он написал немало других

интересных сочинений (одна комедия «Бригадир» чего стоит!), но остался памятен неспециалистам лишь как автор «Недоросля»: «Умри, Денис, лучше не напишешь!» Или как с Грибоедовым: признайтесь, многие ли читали, к примеру, его комедии «Молодые супруги» или «Притворная неверность»? (Первая из них — переделка французской пьесы, а вторая написана в соавторстве, но сути дела это не меняет.)

Между тем еще в XIX веке прозвучало мнение, что Нестор «Повесть временных лет» не писал. Указание на его авторство содержится лишь в одном позднем списке (XVI века) этой летописи и в послании киево-печерского монаха Поликарпа архимандриту^[3] этой обители Акиндину, написанном в начале 30-х годов XIII века. А в древнейшем списке «Повести временных лет», Лаврентьевском (1377), не только нет имени Нестора, но содержится приписка другого книжника — Сильвестра, то ли составителя, то ли редактора или переписчика летописи. Кроме того, между житиями, точно составленными Нестором, и «Повестью временных лет» обнаруживаются противоречия. Все эти казусы исследователи-текстологи склонны решать по-разному, причем случалось, что один и тот же ученый менял свою точку зрения. Кто-то доказывает, что Нестор — составитель первой редакции летописи, позднее переработанной (по одной из версий — Сильвестром); до нас эта редакция в первоначальном виде не дошла. Другие полагают, что он автор основного дошедшего до нас текста «Повести временных лет». Некоторые считают Нестора редактором поздней версии «Повести временных лет», но не автором. Есть и те, кто полностью отрицает причастность Нестора к работе над этой летописью. Высказывалось и предположение о двух Несторах: один автор житий, а другой и правда летописец. Небезызвестный Хлестаков приписал себе авторство романа «Юрий Милославский», написанного Загоскиным, а когда чуть не оказался уличен во лжи, заявил, что написал другой роман с таким же названием. В гоголевском «Ревизоре» представлена комическая ситуация — существование двух разных книг

с одним и тем же, не самым распространенным названием. А вот в летописеведении появились два книжника с одним и тем же именем.

Но и это еще не всё: предметом непрекращающихся споров является объем текста Начальной летописи, принадлежащий автору «Повести временных лет»: ведь очень многое, посвященное описанию событий прошлого, этот книжник брал из более ранних летописей. Вместе с тем, если первоначальный текст «Повести временных лет» подвергался переработке и в исконном виде не сохранился (а это доказано практически неопровержимо), то возникает вопрос: а каким он был? Дискуссии по этому поводу ведутся много лет, а согласия нет как нет.

Итак, проблема первая: а был ли Нестор летописцем, Нестор ли написал «Повесть временных лет»? Проблема вторая: даже если принять гипотезу об авторстве Нестора, что именно в составе летописи ему принадлежит?

Запутанность этих проблем объясняется, с одной стороны, недостаточностью сведений, имеющих в нашем распоряжении, а с другой — возможностью взаимоисключающих ответов. Понятно, что отрицающие друг друга точки зрения не могут быть одинаково верными. Но какая из них может быть признана истинной? Различные гипотезы относительно истории создания и авторства «Повести временных лет» часто, если не обычно, строятся на избирательных основаниях, способных эти предположения подтвердить, при недооценке или игнорировании иных данных, которые также можно было бы взять в качестве исходных. Кроме того, имеющиеся свидетельства нередко подвергаются односторонней, субъективной интерпретации; при этом другие толкования игнорируются.

Однозначное решение «проблемы Нестора Летописца», видимо, попросту невозможно. Автор этих строк, хотя и занимался изучением «Повести временных лет», в том числе некоторыми вопросами истории текста отдельных ее фрагментов, не исследовал историю складывания памятника

в целом. К тому же жанр книги, которая предложена читателю, исключает возможность развернутых ученых штудий, понятных и интересных только специалистам. На мой взгляд, бесспорных оснований отрицать авторство Нестора и его право именоваться Летописцем нет. Поэтому я принимаю эту «выгодную» для себя гипотезу со спокойной совестью, хотя и сознаю: при ином ракурсе, ином взгляде такое авторство оказывается проблематичным. Замечу лишь, что, как представляется, ракурс, избранный мною, с точки зрения доказательности, обоснованности ничуть не хуже иных. Что касается объема летописных текстов, возможно принадлежащих Нестору, я предпочитаю быть достаточно суровым и строгим, в целом соглашаясь признать им написанными лишь те фрагменты, которые еще в начале XX века посчитал Несторовыми замечательный исследователь «Повести временных лет» академик А. А. Шахматов. Но ограничиться простым согласием с Шахматовым невозможно: за прошедшие примерно сто лет после издания его книги «Повесть временных лет» (1916) появились исследования как уточняющие его концепцию, так и пытающиеся ее опровергнуть. Игнорировать их и неверно, и невозможно, как невозможно и рассмотреть во всех деталях: научно-популярная книга превратилась бы в объемистый ученый труд по текстологии «Повести временных лет», писать который я бы сейчас не решился. Пришлось поступить иначе: посвятить проблемам истории текста Начальной летописи и авторства Нестора отдельную главу, названную «Как создавалась “Повесть временных лет”, или Немного текстологии». Читатели, не желающие обременять себя необходимостью следить за учеными спорами, аргументами и контраргументами, могут эту главу пропустить, спокойно и комфортно приняв как данность привычную версию о Несторе — авторе «Повести временных лет». Нужно только помнить, что эта версия — на самом деле гипотеза, а не безусловный факт.

Желающим понять, «как оно могло быть на самом деле», советую этой главой не пренебречь. Ведь, как заметил современный исследователь летописания, «вообще, ключ к

пониманию многих средневековых источников, и в особенности — анналов^[4] и летописей — лежит в реконструкции процесса их создания и последующей переработки. Если мы возьмем почти любые средневековые анналы, мы увидим, что в тексте — в том виде, в каком он дошел до нас, — отразилась работа многих поколений летописцев, ведших погодные записи, составлявших своды, делавших приписки на полях, и так далее. Каждый из них, разумеется, мог иметь свои собственные, неповторимые особенности стиля, взгляды и круг интересов, однако все они участвовали в некоем общем занятии, процессе, оставаясь, как правило, анонимными. Поколения ученых-текстологов распутывают такого рода “клубки”, восстанавливают конкретные этапы работы летописцев, реконструируют утраченные протографы. Иногда выводы ученых настолько безупречны и убедительны, что принимаются всеми или почти всеми. Но чаще бывает, что по поводу важнейших событий в истории анналистики той или иной страны возникают научные дискуссии, конкурирующие точки зрения, множество гипотез и догадок⁴.

Не прочитавшим эту главу могу лишь адресовать фразу из известной кинокомедии: «Хотите — верьте, хотите — нет». Если же к этой главе обратятся читатели — специалисты по истории текста «Повести временных лет», хочу предупредить их возможные недоумение и недовольство (почему не упомянута или не рассмотрена подробно статья или книга такая-то?), смиренно напомнив («Не кляните Бога ради», — сказал бы в подобном случае летописец), что я писал не научное исследование и правила жанра никак не позволяют пойти против формулы, некогда выведенной небезызвестным Козьмой Прутковым: «Нельзя объять необъятное». Вместе с тем в главе содержатся текстологические размышления и наблюдения, которые, смею надеяться, окажутся небезынтересными и важными и для ученых.

Поскольку эта книга не строго научное сочинение, древнерусские тексты цитируются в ней, как правило,

в переводе на современный русский язык, при цитировании из имеющихся в оригинале используются только буквы, существующие в современном русском алфавите», за исключением буквы ять (ѣ) — ей по нынешним орфографическим правилам соответствует «е» — и «і» — на ее месте сейчас ставят «и». Эти буквы сохраняются, если используются в цитируемых публикациях. Также сохраняется, если она есть в древнерусских текстах, буква ер (ѣ) на конце слов. Во времена Нестора она обозначала краткий (редуцированный) звук «о». Когда в изданиях текст печатается по рукописям знак в знак, пунктуация приведена к современным нормам. Все выделения в цитатах принадлежат авторам соответствующих работ.

Нестору посвящена лишь одна, во многом устаревшая и тенденциозная монография, принадлежащая М. Д. Присёлкову^[5]. Имеющиеся статьи о нем — чисто научные, специальные исследования, к тому же обычно содержащие спорные гипотезы и толкования. Поэтому я предпочел отказаться от библиографического списка в конце книги. Что касается изданий «Чтения о Борисе и Глебе», Жития Феодосия Печерского и «Повести временных лет», читатели могут найти ссылки на них в соответствующих главах.

В качестве синонима названия «Повесть временных лет» используется принятое в науке обозначение «Начальная летопись». Не следует путать его с «Начальным сводом» — традиционным обозначением гипотетической летописи, предшествовавшей «Повести...».

Я постарался избежать, насколько это было возможно, повторов. Но всё же в нескольких случаях мне пришлось в разных главах обращаться к одним и тем же фрагментам древнерусских источников, рассматривая их с различных точек зрения. Византийский император X века Константин Багрянородный, рассказывая о походах киевских князей по окрестным землям за данью, назвал их «кружениями». Читателям этой книги придется поучаствовать в «кружениях»

по древнерусским текстам. Пишущий эти строки не обещает им такого же прибытка, что получали древнерусские правители. Но, думаю, возвращение к цитатам из одних и тех же текстов будет для них не только необходимым, но и небезынтересным.

Автор считает своим приятным долгом выразить признательность исследователям, познакомившим его со своими работами или указавшим на них: А. А. Гиппиусу, С. М. Михееву, Ф. Б. Успенскому. Особая благодарность — покойному А. А. Шайкину.

Глава первая
ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

К сожалению, всё, что мы знаем о Несторе достоверного, ограничивается известиями о себе в двух написанных им житиях. Самое раннее событие собственной жизни, им упоминаемое, — приход в Киево-Печерский монастырь. В Житии Феодосия Печерского Нестор пишет, что «принят был» в монастырь «преподобным игуменом^[6] Стефаном, и от него пострижен был, и монашеских одеяний сподоблен, еще же и в диаконский сан им возведен был»¹. Детство и отрочество знаменитого книжника, его жизнь в миру скрыты от нас непроницаемым мраком. А вот образованные люди XVIII века были убеждены, что им известен не только точный год рождения Летописца, но и место, где он появился на свет. Открыв словарь русских писателей, составленный известным литератором, издателем и просветителем Н. И. Новиковым, они могли прочитать: Нестор «родился на Беле-озере 1055 года, пришел в монастырь 1073 года, при Антонии и Феодосии»². Создателем версии о Белоозере, городе на далеком севере, на берегу одноименного озера (ныне это районный город Вологодской области), был первый русский историк XVIII века В. Н. Татищев. Он первым написал, что автор Начальной летописи «родился на Беле Озере»³. Своим рождением на свет это, на первый взгляд интригующее, известие обязано описке безымянного древнерусского книжника. В Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи — рукописи конца XV века, впервые изданной в 1767 году, в знаменитом рассказе о призвании на княжение братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора под 862 (6370) годом^[7] о втором брате говорится: «а другой сиде у нас, на Белеозере»⁴. «Сиде у нас», конечно же, описка невнимательного копииста вместо правильного «Синеус». (Вверху, над строкой, такое исправление и сделано.) На это еще в начале позапрошлого века обратил внимание немецкий

историк А. Л. Шлёцер, первым скрупулезно исследовавший «Повесть временных лет»⁵. Составитель обстоятельного словаря русских церковных писателей митрополит Новгородский Евгений (Болховитинов) признал, что место рождения Летописца «доподлинно неизвестно»⁶.

Итак, о месте появления на свет нашего героя достоверных сведений действительно нет. Но текст «Повести временных лет» позволяет высказать некоторые догадки. Однако об этом — чуть позже.

А откуда взяты сведения о годе рождения Нестора? Писавшие о Несторе в XVIII и в первые десятилетия XIX столетия почти неизменно называли или один и тот же или близкие годы. Новиков — 1055-й, Г. Ф. Миллер⁷, Татищев⁸, Шлёцер⁹, митрополит Евгений Болховитинов¹⁰ и еще ряд авторов — 1056-й. Такая уверенность основывалась на известии позднего «Жития преподобнаго отца нашего Нестора, лѣтописца Российскаго». Это Житие Нестора, составленное для первого печатного издания Киево-Печерского патерика^[8] — сборника сказаний о Печерской обители и ее насельниках, преданного тиснению и составленного по указанию ее настоятеля Иннокентия Гизеля в 1661 году. Житие сообщало, что Нестор пришел в монастырь, когда его настоятелем был преподобный Феодосий и еще был жив создатель обители преподобный Антоний: «прийде к ним, желая святаго Ангелскаго Иноческаго образа, имый точію^[9] седмнадцать лѣтъ от рожденія своего»¹¹. Но сначала он пребывал в послушниках, а пострижен в монахи и потом возведен в сан диакона был при преемнике Феодосия игумене Стефане: «И приять святий Ангелскій Иноческій образ от Преподобнаго Стефана Игумена Печерскаго. Потом же и на Дияконскій степень от тогожде возведен»¹². В начале XVIII века Димитрий Ростовский включил это житие в составленную им книгу житий святых (Четии Минеи)¹³.

Сведения о том, что Нестор пришел в монастырь во времена

игуменства Феодосия, умершего 3 мая 1074 года, восходят к записи в «Повести временных лет» под 1051 (6509) годом, в конце которой летописец сообщает о себе: «Когда же жил Феодосий в монастыре, ведя добродетельную жизнь и блюдя монашеские правила и принимая всякого, приходящего к нему, и я пришел к нему, худой и недостойный раб, и принял он меня 17 лет отроду»¹⁴. Это автобиографическое известие завершает в Начальной летописи пространное сказание об основании Печерского монастыря. Но принадлежат ли эти слова именно Нестору, если и считать его составителем «Повести временных лет»? Отождествление этого безымянного книжника с Нестором появилось впервые в двух рукописных редакциях Киево-Печерского патерика, составленных печерским монахом Кассианом в 1460 и 1462 годах. (В научной литературе их принято называть 1-й и 2-й Кассиановскими редакциями.) Кассиан, позаимствовавший сказание об основании Печерского монастыря из «Повести временных лет», ничтоже сумняшеся отождествил его автора с Нестором, внося Несторово имя в текст¹⁵. Вот как выглядит это автобиографическое известие в составе 2-й Кассиановской редакции: «Пришел к нему (Феодосию. — А. Р.) и я, грешный и недостойный раб Нестор, и он принял меня, а было мне тогда семнадцать лет от роду»¹⁶. Кассиан внес имя Нестора не только в это известие, но и в заглавие сказания, которое сам и сочинил: «Нестора, инока обители монастыря Печерского, сказание о том, почему монастырь был прозван Печерским»¹⁷. Догадка Кассиана, по-видимому, была вызвана сообщением более ранней редакции патерика, что Нестор был летописцем¹⁸, а также, вероятно, знакомством с рукописью «Повести временных лет», в заглавии которой упоминалось имя Нестора как автора. Все случаи присутствия в летописном тексте авторского «я», в том числе и в статье 1051 года, Кассиан трактовал как знаки авторства Нестора.

Однако приписывание Нестору годовой статьи 1051 года несостоятельно: в Житии Феодосия Печерского книжник

сообщает не только о том, что он был пострижен в монахи преемником Нестора Стефаном, но и о том, что в годы настоятельства Стефана, то есть после 3 мая 1074 года, пришел в Печерскую обитель; он прямо пишет, что не застал Феодосия в живых и был вынужден расспрашивать о нем знающих людей¹⁹. Кроме того, статья 1051 года противоречит Житию: в летописи говорится, что Феодосий добыл греческий свод монашеских правил (Студийский устав) у некоего монаха Михаила, пришедшего из Византии²⁰, в то время как в жизнеописании Феодосия Нестор пишет, что тот попросил переписать устав печерского монаха скопца Ефрема, жившего в Константинополе²¹. Правда, замечательный текстолог, исследователь русского летописания А. А. Шахматов в 1896 году предполагал, что запись летописца о себе в «Повести временных лет» — это действительно автобиографическое сообщение Нестора, однако подвергшееся редактированию, которое произвел более поздний книжник (Шахматов называет его составителем «Повести временных лет»): «заключительная фраза Нестора сохранена и поставлена в ненадлежащую связь с Феодосием, которого он в монастыре не застал уже в живых»²². Таким образом, получается, что недостоверным является известие о приходе Нестора в Печерскую обитель в годы настоятельства Феодосия, но указанный в летописной записи возраст, в котором автор ушел из мира и посвятил себя Богу, якобы относится именно к Нестору: «Следовательно, Нестор, которому было семнадцать лет во время игуменства Стефана (начало его игуменства — 1074 г.), родился не ранее 1057 г.»²³.

Но это объяснение, словно призванное «спасти» сложившиеся представления о времени рождения Нестора, неубедительно. Средневековый английский философ Оккам заметил: «Не нужно множить сущности без необходимости». Этот принцип («брита Оккама»), призванный отдавать предпочтение более простым объяснениям перед сложными и запутанными, вполне применим при решении проблемы, какому книжнику принадлежит сообщение о приходе

в Печерский монастырь в семнадцатилетнем возрасте. Наиболее простое и логичное решение таково: запись принадлежит не Нестору, а другому печерянину. Между прочим, к этой мысли в конце концов пришел и сам А. А. Шахматов²⁴. Он заметил о киево-печерском книжнике Кассиане: «Кассиан <...> внес в Печерский патерик несколько статей из ПВЛ («Повесть временных лет». — А. Р.), очевидно, признавая самую ПВЛ составленную Нестором. <...> ...Он вставил имя Нестора и в самый текст статей, где автор их говорит о себе в первом лице. <...> ...Вместо слов Кассиановской первой редакции (точно передающих текст ПВЛ): “к нему же и азъ придох, худый и недостойный рабъ”, в Кассиановской второй читается: “придох же азъ к нему, худый и недостойный рабъ Нестеръ”»²⁵. Шахматов резонно предположил, что Кассиану попал в руки список «Повести временных лет», в заглавии которого фигурировало имя Нестора^[10], и незадачливый и наивный редактор приписал Нестору летопись целиком — не подумав о том, что это свод, плод труда нескольких книжников и что некоторые фрагменты принадлежат его предшественнику. Известный исследователь древнерусской словесности Д. И. Абрамович в 1914 году так подвел итог многолетним дискуссиям о Несторе — авторе «Повести временных лет» и о его жизни до вступления в печерское братство: «Было время, когда к преп. Нестору относили все те места Повести временных лет, где идет речь в первом лице, — и получалась довольно обстоятельная биография: указывали точно год и место рождения, время прибытия и поступления в монастырь, год смерти и общий возраст <...>. Теперь же, когда принадлежность Нестору Начальной летописи оспаривается, требуют значительных ограничений и все эти биографические подробности»²⁶.

Пришел ли Нестор в Печерскую обитель в молодом возрасте или уже зрелым, приобретшим опыт мирской жизни, — неизвестно. Историк М. Д. Присёлков — автор и по сей день единственной биографической книги о нем, изданной почти сто

лет назад, в 1923 году, был склонен считать, что Нестор стал монахом не в юности, а уже в средних летах: об этом якобы свидетельствует стремительное превращение послушника (насельника монастыря, исполняющего обеты, но еще не принявшего постриг) в монаха и почти тотчас же — поставление в диакона^[11]. Стефан, при котором Нестор пришел в Печерский монастырь, был его игуменом с 1074-го по 1077-й, или по 1078-й, или по 1079 год²⁷ — и за эти три—пять лет послушник удостоился стать сначала монахом, а потом и диаконом!²⁸ Порядок прохождения степеней монашества в Киево-Печерской обители известен из описания, принадлежащего самому Нестору: «...в “Житии Феодосия” Нестор, подчеркивая для читателя, что преемники и ученики Феодосия “доныне” ведут жизнь обители по уставу студийского монастыря^[12], введенному в Печерском монастыре самим учителем, — так описывает главную черту этого устава в отношении приема новых братьев: конечно, принимаются все приходящие, не взирая (так! — А. Р.) на их убогость или богатство, но не все постригаются сразу; вновь пришедшим игумен повелевает сначала ходить в своем мирском платье, пока тот не выучивал весь “устрой” монастырский; только тогда разрешалось одеть монашеское платье и начиналось испытание пришедшего во всех “службах” монастыря; удовлетворив этому испытанию, пришлец получал пострижение и облачение в “манатью”; однако этим еще не заканчивалось вступление, потому что последней ступенью его считалось “приятие” святой схимы, на которое новый брат “сподоблялся” игуменом только тогда, когда не оставалось сомнений в том, что он — чернец^[13], искусный житьем чистым»²⁹.

Схимой (словом греческого происхождения, означавшим «образ») именовались и именуются две высшие степени монашества — малая и великая схимы — и обеты, которые дает их принимающий. М. Д. Присёлков пишет о малой схиме. Нестор очень быстро прошел послушание, был принят в низшую, приговорительную степень монашества (рясофор),

пострижен в малую схиму³⁰, а затем почти тотчас же возведен в сан диакона, что было редким, если не исключительным явлением: «Если мы к этому припомним, что Нестор так описывает свое прохождение вступительной лестницы в монастырь при игумене Стефане: 1) был принят; 2) пострижен и 3) сподобился мнишеской одежды, — то мы, сопоставляя искус Нестора со ступенями обычного искуса, описанного выше, должны будем признать, что под мнишеской одеждой, закончившей искуса Нестора, он разумеет “святую схиму”, т. е. последнюю ступень вхождения в монастырь нового брата. В этом нас подкрепляет и то наблюдение, что при описании действия устава Нестор о простой монашеской одежде не употребляет выражения “сподобиться”, относя его именно к принятию схимы; да и по порядку устава та одежда предваряла пострижение, а не последовала ему.

Иною речью Нестор сообщает нам про себя, что для него вступление в число братьев монастыря, т. е. прохождение всех ступеней испытания вплоть до принятия схимы, почему-то ограничилось рамками краткого промежутка времени, и он еще при том же игумене, всего четыре года пробывшем на игуменском кресле, успел получить даже сан диакона. Сам Нестор счел нужным и уместным пояснить читателю, почему это так случилось и он скоро оказался в диаконском сане: <...> игумен поступил так “божиею волею и по любви”»³¹. Историк спрашивает: «Что же хотел сказать этим Нестор?» — и отвечает: эта любовь не была «личным пристрастием» игумена, если книжник осмелился поведать о ней. Стефан, как о том говорится неоднократно в Житии Феодосия, был человеком ученым, сведущим в духовных книгах, а значит и Нестора он приветил, потому что новый пришелец из мира обладал жизненным опытом, был образован и проявил способности в словесности: «...в его лице игумен Стефан встретил не метущую юность и не наличие одной сердечной простоты или не взвешенного порыва; в монастырь вступал не молодой и образованный человек, понять мотивы ухода из мира которого

можно было легко и на решение которого можно было смело положиться; к тому же вступающему, как всякому образованному человеку той поры, конечно, уже были известны и весь строй монастыря и все монастырские “службы”; наконец, в его лице игумен и братия приветствовали и “любили” принесенное им образование и литературный талант»³².

Свои догадки М. Д. Присёлков подкрепил сообщением Нестора, которое расценил как прямое указание на возраст книжника при вступлении в печерское братство: «Прибавим к этому, что, вспоминая о своей греховности от юности (этой греховностью пренебрег игумен Стефан, возвышая Нестора), конечно, Нестор хочет дать нам знать, что его юность к этому времени была уже в прошлом»³³.

Эти соображения достаточно убедительны, хотя и не бесспорны. Возможно, причиной особенного благоволения Стефана к Нестору были и образованность, и рано проявившийся литературный талант, и зрелый ум. Но, может статься, зрелый не по летам: нельзя исключать, что будущий автор Жития Феодосия пришел в Печерскую обитель и не в среднем возрасте, а более молодым. Что касается упоминания Нестором о своей будто бы давно миновавшей юности («с юности многими грехами полон»³⁴), то эти строки можно понять по-разному, в том числе и не так, как это сделал М. Д. Присёлков. Это так называемая формула смирения — «общее место», характерное как для агиографии, так и для средневековой словесности в целом, и искать в ней автобиографический смысл совершенно не обязательно: Нестор вовсе не хочет подчеркнуть, что был исполнен грехов с юных лет и именно до пострижения в монахи и возведения в сан диакона. Скорее он делает точками отсчета не юность и годы, когда к нему благоволил Стефан, а юность и время написания Жития Феодосия, которое было для автора его настоящим. Тем самым книжник в покаянно-смирном тоне, стремясь поправить соблазн гордыни, самодовольства, свидетельствует, что грехи, обременявшие его в ранние годы, не исчезли и сейчас,

в зрелости. Ведь Житие Феодосия Нестор писал уже отнюдь не молодым.

Быстрый подъем по ступеням монашеской иерархии не был в Печерском монастыре чем-то уникальным. Похожим был случай самого Феодосия, но он, видимо, совершил этот подъем как раз в молодом, а не в зрелом возрасте, причем весьма быстро был даже возведен в сан игумена. «Преп. Феодосий был поставлен в игумены в чрезвычайно молодых годах, не имея еще и 30 лет от роду и может быть — имея их не более как 25-ть», — предполагал Е. Е. Голубинский, поясняя: «Это значит, что он решительно возвышался над всею остальною братией, как человек особый в числе ее, и что он давал Антонию провидеть в себе того знаменитого возградителя монастыря, каким явился на самом деле»³⁵. Студийский устав гласил: возложение монашеских одежд зависит от настоятеля. По его усмотрению оно возможно в любое время, «если человек знаемый в монастыре»³⁶. По церковным канонам (29-му правилу Карфагенского собора и 14-му правилу VI Вселенского собора) в сан диакона нельзя было возводить тех, кто не достиг двадцатипятилетнего возраста. Впрочем, ссылающийся на эти правила Н. М. Левитский делает оговорку: «Не можем сказать, соблюдалось ли в точности это постановление в древней Руси», но всё же утверждает: «по всей вероятности оно исполнялось хотя приблизительно и если препод<обный> Нестор, вскоре по вступлении в монастырь, несмотря на значительное число братии, был возведен в диаконский сан, то, без сомнения, кроме духовной зрелости, он достиг уже и вполне зрелого возраста»³⁷.

Но если признать, что Нестор вошел во врата Печерской обители уже давно взрослым, в середине жизни, можно ли строить предположения, сколько лет примерно ему было? В Древней Руси жизнь человека было принято делить на семь возрастов: 1) младенец; 2) дитя; 3) отрок; 4) юноша; 5) муж; 6) средовек; 7) старец. Принцип был заимствован из византийской книжности. В одной из самых ранних восточнославянских рукописных книг, содержащих

переведенные с греческого сочинения, — Изборнике князя Святослава 1073 года — содержится фрагмент под названием «О шестом псалме», принадлежащий прославленному греческому богослову и проповеднику IV — начала V века Иоанну Златоусту, а в нем — похожая седмица: 1) младенец; 2) отрок; 3) отрочище; 4) юноша; 5) «средовечный»; 6) старец; 7) старик. Какими были границы этих возрастов? В одном сочинении древнерусского книжника XVI века Максима Грека^[14] младенцем назывался ребенок до трех лет, детищем (дитятей) — до шести, отрочищем — до девяти, отроком — до двенадцати, юношей — до двадцати, мужем — до тридцати, старцем — до пятидесяти. В сочинении «О седмицах, ими же исполняются лета человеком», известном в довольно поздних рукописях, все периоды содержат по семь лет, то есть подчинены той же восходящей к Библии модели, согласно которой число «семь» определяет всё бытие мира: Бог создал мир за семь дней, а просуществует он всего семь тысяч лет. Младенец — человек до семи лет; юноша — до четырнадцати, до двадцати одного года — юноша «в мужеском разуме»; следующий возраст, подступ к маститой зрелости — до двадцати восьми; «муж совершен», который «приходит в совершение разума» — до тридцати пяти; до сорока двух «совершен разумом средовечен», до сорока девяти — «всякого малоумия отлагатель и буести отреватель»^[15]; с пятидесяти шести начинается старость, в этой классификации уже восьмая седмица³⁸.

Конечно, ни игумен Стефан, ни другие монахи не мерили ни годы, ни опыт Нестора такой строгой возрастной мерой. Точный возраст ищущего спасения души вообще не должен был волновать чернецов: что он такое в сравнении с вечностью? Но если согласиться с мнением о приходе нашего героя в Печерский монастырь в зрелых летах, наделенным опытом, то, прилагая к возрасту новопришедшего седмицы возрастов, можем сказать: наверное, ему должно было быть близко к тридцати годам или за тридцать и уж точно больше двадцати одного года. Впрочем, эти предположения весьма условны,

гадательны, не очень достоверны. Наверное, можно согласиться с автором статьи о Несторе в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», указавшим вместо года рождения: «1050-е годы (?)», обозначив с помощью вопроса гадательность даже этой широкой, расплывчатой датировки³⁹.

Но если о годе появления Нестора на свет можно лишь гадать, то о периоде древнерусской истории, когда это произошло, можно сказать многое. Это было особенное время, годы отрочества и юности новой для Киевской Руси христианской культуры. От крещения родной страны рождение Нестора отделяло совсем немного лет — может быть, шестьдесят, может быть пятьдесят или даже меньше⁴⁰. В «Повести временных лет» под 6582 (1074) годом рассказывается о печерском монахе Иеремии (Еремии), который «помнил крещение земли Русской»⁴¹. В Киево-Печерском монастыре сказание о нем признавали принадлежащим перу Нестора. Весьма вероятно, что это не так, сказание составлено другим печерским книжником. Но нельзя исключать и того, что наш герой застал Иеремию в живых, мог его видеть и с ним говорить, мог знать и других очевидцев события, пережившего судьбу Руси. Так или иначе, христианство ощущалось Нестором как совсем новая, молодая для Руси вера.

С крещением страна обрела письменность, новую культуру, новое понимание бытия. Обрела представление об истории, столь значимое для Нестора. Конечно, и у язычников была своя система нравственных представлений — ценностей и запретов («что такое хорошо и что такое плохо»). Но силы, властвующие в мире, для язычников не были однозначно воплощением Добра или Зла. Хороша или плоха сказочная Баба-Яга — персонаж с длинной мифологической родословной? Или водяной, леший — существа так называемой низшей мифологии? Они ни добры, ни злы — с ними нужно уметь правильно себя вести. Даже покойные предки или родители вовсе не однозначно доброжелательны к потомкам или детям. Не случайно

по древнему обряду покойника нужно было выносить через крышу, подпол или окно, но не через дверь, как покидают дом живые, и непременно вперед ногами — всё это затем, чтобы он не вернулся в мир живых. Такое возвращение нежелательно. Языческие боги могли даже испытывать зависть к счастливому человеку и обрушить на него несчастья. В Древней Греции рассказывали миф о правителе острова Самос Поликрате, жившем в VI веке до нашей эры: своим счастьем он вызвал зависть богов и лишился и власти, и жизни. Иначе в христианстве. Для него мир — арена борьбы Бога и Дьявола, абсолютного Добра и беспримесного Зла. Человек — участник в этом поединке.

Как заметил современный историк и антрополог В. Я. Петрухин, «с разрушением традиционного племенного быта, становлением государства, включением индивида в совершенно иные социальные связи, проблема индивидуальной судьбы, в том числе загробной, становилась всё более актуальной. Ответ на вопрос об этой судьбе давали князь и его дружина, епископ и христианство, а не “волхвы” и язычество»⁴².

Для язычника жизнь человека определялась некоей безличной, стоящей вне морали силой — Судьбой, Роком. В греческой мифологии судьбу человека решали богини Мойры, в римской — Парки, в скандинавской — волшебницы Норны — Урд («прошлое, или судьба»), Верданди («настоящее, или становление»), и Скульд («будущее, или долг»). У восточных славян духами, связанными с судьбой человека, видимо, были Род и рожаницы, у южных славян — суденицы.

Перед безликой и немой Судьбой человек был бессилён. Вспомним изложенное в «Повести временных лет» под 912 (6420) годом предание о киевском князе Вещем Олеге, которому волхв предсказал смерть от собственного коня, — Судьбе безразличны слава и величие человека, а избежать ее приговора невозможно.

Такие сюжеты широко распространены в памятниках словесности, отражающих языческую мифологию: в точности

такая же история рассказывалась в саге (сказании) о скандинавском конунге (князе) Одде по прозвищу Стрела.

За что, почему умер прославленный своими подвигами князь? На этот вопрос древнее предание не может дать ответа. Как не может греческий миф объяснить, почему злосчастному Эдипу было предсказано убить отца и жениться на матери и почему уйти от исполнения пророчества невозможно: он, пытаясь избежать страшной участи, покидает дом, не зная, что воспитан приемными родителями, и совершает по неведению те самые преступления, от которых бежал, — убивает отца, не зная, кто он, и вступает в брак с его вдовой, не догадываясь, что она подарила ему жизнь. Если эти предания и мифы чему-то учат, то только смирению перед Роком: от Судьбы не уйдешь... Фаталистическое мировосприятие, основанное на представлении о непонятной предопределенности людских судеб, побуждало или примириться с этой безликой силой Рока, или героически бросить ей вызов. Вступивший в поединок с Судьбой проявлял мужество, храбрость. Но выиграть у Судьбы — силы, которой были подчинены и сами боги, он не мог.

Поэт Тютчев описал это языческое представление в стихотворении «Два голоса»:

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

О язычестве, которое не осознает ценности личности, и об усвоении новыми христианами истин, совсем непохожих на прежние, точно написал искусствовед Г. К. Вагнер: «Новая вера подняла человека на неслыханную высоту (“Я сказал: вы боги”. Евангелие от Иоанна, 10, 34), а в Киеве приносили в жертву людей... В Константинополе сияли красотой монументальная архитектура и живопись, а на Руси люди молились на открытых, окруженных земляными канавами капищах. Живописи восточные славяне, по-видимому, не знали. Да и кого было изображать?! <...> Языческие божества не были персонифицированы. Это были не личности, а природные стихии, олицетворение природных сил. <...> Понимание Иисуса Христа как лица абсолюта, равного двум другим лицам Троицы, и вместе с тем как реальное соединение божества со всей природой человека, с его телом, душой, умом и волей означало не только схождение Бога к человеку <...> но и восхождение человека к Богу... что возвышало человеческую личность, личностное сознание. На первый взгляд это кажется выведением, вычленением человека из Космоса, то есть умалением его личности. На деле же это было освобождением личности от космологической слепой зависимости, наделением ее своей душой. Но освобождение человека от механической (вещной) включенности в природу (в Космос) тут же включало его в другую систему — в положение ответственности перед Божеством за свое нравственное самоопределение. <...> Это открывало широкую дорогу для личностного поведения, а вместе с этим и для личного спасения»⁴³.

На место слепого Рока новая вера ставила Предопределение, Провидение: это предвидение Богом того, что произойдет, но то, что должно произойти, совершается при участии людей. Радостные события с христианской точки зрения стали объясняться волей Божией, а горестные, «злые» — попущением

Божиим, дозволением злу прийти в мир, так сказать, в педагогических целях: чтобы наказать за грехи и обратить помыслы согрешивших к покаянию.

Люди древности, которым было свойственно мифологическое сознание, не воспринимали время как поступательное и необратимое движение. В праславянском языке слово «время» звучало иначе, чем в Древней Руси и в современном русском языке: *vertmen. (Звездочка перед словом означает, что оно неизвестно в письменных памятниках или говорах, а является плодом лингвистической реконструкции.) Слово это однокоренное с такими словами, как «веретено», «вертеться», «вращаться», «поворачиваться». Время — это то, что вертится, это круговое, циклическое движение. Не случайно в праславянском языке слова «начало» и «конец» были однокоренными: всякое начало содержит в себе собственный конец, а конец напоминает о начале. Начало и конец — это как две зарубки на круге времени.

Христианство открыло линейное время, направленное из прошлого в будущее. На этой стреле времени есть уникальные, неповторимые события: сотворение мира, союз, заключенный Моисеем с Богом, рождение, смерть и воскресение Христа, конец света и Страшный суд. Мир представлялся совсем юным, всё его существование можно было охватить мысленным взглядом. Его жизнь была, конечно, намного длиннее жизни любого человека, но они были соизмеримы. Согласно господствовавшему летоисчислению, пришедшему на Русь после ее крещения из Византии, мир был сотворен Богом в 5508 году до нашей эры — всего лишь несколько тысячелетий назад, а не возник за миллиарды лет до нас, как считает современная наука, которая полагает, что даже не Вселенная, а одна только Земля, довольно молодая ее частица, существует уже четыре с половиной миллиарда лет. Образованный человек русского Средневековья мог без особого труда перечислить потомков Адама до плотника Иосифа, нареченного мужа Девы Марии, матери Христа. Авраам был прапраправнуком Ноя, который принадлежал к девятому

поколению потомков первого человека Адама. От Авраама до Иосифа насчитывалось сорок поколений, четырнадцать поколений насчитывается в евангельском родословии Иисуса Христа (Евангелие от Матфея, глава 1, стих 17) — столько «ступеней» отделяет на этой генеалогической лестнице праотца Авраама от израильского царя пророка Давида. Таким образом, к древнему прошлому можно было почти прикоснуться рукой.

Мир и время с приходом новой веры начали переживаться как уютные, созданные для человека. По библейскому сказанию, первый человек был создан в шестой день сотворения мира. Создана же Вселенная была всего за неделю — за семь дней. Точнее, за шесть — седьмой день Бог отдыхал от своих трудов. Семь дней творения повторялись в неделе, или, как ее называли в Древней Руси, седмице. А «неделей» именовалось воскресенье — как праздничный день, когда ничего не делают, отдыхают. Ритм творения мира повторялся в ритме повседневной жизни — от понедельника до праздничной «недели» — даже если понимать библейские семь дней создания космоса не буквально.

Но и само существование мира, само его бытие тоже должно было длиться семь дней. Конечно, это были не обычные дни. Каждый день приравнивался к тысяче земных, человеческих лет, потому что в библейской книге Псалтирь было сказано: «Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты — Бог. Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: “возвратитесь, сыны человеческие!” Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи» (псалом 89, стихи 3—5). По современному летоисчислению конец света приходился на 1492 год. Год этот ждали со страхом и трепетом. Лишь до этого года дописывали пасхалии — таблицы расчета дней празднования Пасхи: зачем считать дальше, если на этом время закончится, остановится. До «сдьмотысячного» года в дни детства, отрочества и юности Нестора было еще далеко. Нестор появился на свет спустя несколько десятилетий после начала второй половины последнего тысячелетия — после 6500-